

Российская академия наук
Институт экономики

С.Г. Кирдина-Чэндлер

МЕЗОУРОВЕНЬ:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭКОНОМИКУ?

Москва
Институт экономики
2017

Кирдина-Чэндлер С.Г. Мезоуровень: новый взгляд на экономику?: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2017. – 36 с.

ISBN 978-5-9940-0611-5

Аннотация. Доклад подготовлен в рамках выполнения государственного задания по теме «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение». В докладе рассматриваются особенности современного понимания мезоуровня экономики, дополняющего традиционную дихотомию микро-, макроуровней в экономической теории. Показаны различные подходы к определению мезоуровня в русскоязычной и англоязычной литературе. Особое внимание уделено специфике его понимания в ортодоксальной и гетеродоксальной экономике. Рассмотрены причины того, почему исследования мезоуровня получают все большее распространение. Также показано, как новый взгляд на экономику с позиций мезоуровня позволяет переосмыслить положения уже известных концепций. В этом контексте тестируется гипотеза об институциональных диссонансах. Отмечается конструктивная роль понятия институционального диссонанса в терминологической системе теории институциональных матриц, или X-Y-теории. В заключение определяются задачи дальнейшего исследования институциональных диссонансов в рамках темы государственного задания «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение».

Ключевые слова: мезоуровень экономического анализа, гетеродоксальная экономика, методологический институционализм, институциональные диссонансы, теория институциональных матриц (X-Y-теория).

Классификация JEL: B25, B31, B52.

Kirdina-Chandler S. The Meso Level: A New Look in Economics? Working paper. – М.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2017. – 36 p.

ISBN 978-5-9940-0611-5

Abstract. The paper considers the features of the modern understanding of the meso level in economics, which complements the traditional dichotomy of the micro and macro levels in economic theory. Various approaches to the definition of the meso level in Russian-language and English-language literature are included. Particular attention is paid to the specifics of how the meso level is understood in orthodox and heterodox economics. The reasons why meso level studies are becoming more widespread are discussed. It also shows how a new view from the perspective of the meso level makes it possible to rethink the theses of already held concepts in a new way. In this context, the hypothesis of institutional dissonance is tested. Also, the constructive role of the concept of institutional dissonance in the terminological system of the institutional matrices theory (X-Y-theory), and its resultant significance in analysing the process of institutional change, is noted. In conclusion, the tasks for further research on institutional dissonances within the framework of the Scientific Research Plan of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences "The Phenomenon of Meso Level in Economic Analysis: New Theories and Their Practical Application" are identified.

Keywords: meso-level of economic analysis, heterodox economics, methodological institutionalism, institutional dissonance, institutional matrices theory (X-Y-theory).

JEL Classification: B25, B31, B52.

© Институт экономики РАН, 2017
© С.Г. Кирдина-Чэндлер, 2017
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Мезоуровень и мезоэкономика: к определению понятий	6
Глава II. Причины роста мезоэкономических исследований	13
Глава III. Что дает новый взгляд: гипотеза об институциональных диссонансах	16
Заключение	25
Литература	27
Об авторе	32

ВВЕДЕНИЕ

Как это не раз бывало в экономической теории, термины или названия направлений складывались *ex post facto*, т.е. позже, чем соответствующие им работы. Так, Торстейн Веблен в 1900 г. в статье «Preconceptions of Economic Science» ввел термин «неоклассика» (*neoclassical economics*) для обозначения корпуса существовавших уже с 1870-гг. работ в области экономики предельного анализа. Йозеф Шумпетер обозначил принцип «методологического индивидуализма» в 1908 г.: именно тогда он «дал название тому, что уже и так объединяло неоклассических авторов и отличало их от классических предшественников» (Донфер, 2008, с. 112). Такой порядок отражает естественную логику событий, когда определение хронологически следует за появлением феномена.

Аналогичная ситуация складывается в отношении терминов «мезоэкономика» и «мезоуровень» в экономическом анализе. Они все более начинают использоваться как самими исследователями, так и сторонними авторами, для того чтобы подчеркнуть специфику работ, которые не соотносятся с уже существующими классификациями (в данном случае речь идет об известной классификационной дихотомии «микро»—«макро» в экономической теории). Эпизодически употреблявшаяся в англоязычной литературе еще с 1930-х гг. мезо-терминология в последнее время становится более распространенной. Другими словами, происходит переосмысление того, что делают экономисты, под новым углом зрения.

С одной стороны, если сложить англоязычные публикации 2016 г., посвященные анализу микро-, мезо- и макроуровня экономики, то среди них доля тех, что посвящены мезоуровню, составит менее 1% (рассчитано по данным, приведенным в (Круглова, 2017)). Эти цифры говорят о том, что целенаправленное выделение мезоуровня как объекта и предмета исследований — скорее экзотика для современных экономистов. Однако если сравнить темпы роста публикаций по макро-, мезо- и микро- за последние 35 лет (термины «мезоэкономика» и «мезоуровень экономики») получили распространение с 1980-х гг.), то заметен весьма прогрессивный тренд: число работ, посвященных мезоуровню экономики (как его понимают сами исследователи), по сравнению с другими уровнями экономического анализа растет на порядок опережающими темпами (там же). Это характерно как для популяции неоклассиков, так и для представителей гетеродоксии.

Можно видеть, что произошло накопление критической массы исследований, потребовавших своего особого наименования. Анализу того, как понимается сегодня мезоуровень в экономике, каковы причины распространения мезоэкономического подхода и какие перспективы он открывает, посвящен настоящий доклад.

В I гл. доклада проанализированы различные подходы к определению мезоуровня в экономической теории. Особое внимание уделено специфике его понимания в ортодоксальной и гетеродоксальной экономике. Во II гл. высказаны некоторые соображения по поводу того, почему исследования мезоуровня получают все большее распространение. В III гл. (на примере гипотезы об институциональных диссонансах) показано, как новые «мезоэкономические очки» позволяют переосмыслить положения уже известных концепций. В Заключении определяются задачи дальнейшего исследования институциональных диссонансов в рамках темы государственного задания «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение».

МЕЗОУРОВЕНЬ И МЕЗОЭКОНОМИКА: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ¹

В экономической теории термин «мезоуровень» (или «мезоэкономика») имеет различные толкования. Свой анализ мы начнем с определения мезоэкономики, которое приводит Википедия (англоязычная версия). Отметим при этом, что сам термин *mesoeconomics* (или *mezzoconomics*) мировой интернет-справочник до сих пор называет неологизмом. Он обозначает ту часть «исследований организации экономики, которая основана **не** на микроэкономике продаж и покупок, или спроса и предложения, и **не** макроэкономике агрегатов совокупных спроса и предложения, но на изучении тех структур и механизмов, которые определяют эти явления и, кроме того, на измерении эффектов их действия» (en.wikipedia.org/wiki/Mesoeconomics).

Сразу отметим, что это определение отличается от того, которое является конвенциональным для большей группы экономистов, когда уровни экономики различаются строго иерархически по объектному принципу. С этой точки зрения микроуровень предполагает рассмотрение отдельных субъектов и их поведения, а макроуровень представлен агрегатом на уровне национальных или глобальных экономик. Мезоуровень при таком подходе рассматривается как промежуточный между экономикой страны в целом и

1. В докладе нашли отражение и развиваются идеи, представленные в (Кирдина-Чэндлер, Маевский, 2017).

уровнем отдельных лиц, компаний и домохозяйств — он включает крупные корпорации, отрасли или региональные экономические комплексы.

Сравнительный анализ русскоязычной (Вольнский, 2017) и англоязычной мезоэкономической литературы (Круглова, 2017) показывает, что для российских ученых, по сравнению с иностранными коллегами, такое конвенциональное понимание мезоуровня более характерно. В классификации исследований мезоуровня экономики современных российских авторов регионально-пространственный подход является одним из трех (причем весьма распространенным), наряду с системным подходом и подходом с позиций методологического институционализма (Вольнский, 2017). Такое до сих пор бытующее понимание мезоэкономики лишь как части экономической системы, занимающей промежуточное положение между ее макроэкономическим и микроэкономическим уровнями (на уровне отраслей и секторов экономики), мы находим и в пятнадцатилетней давности экономических словарях (Лопатников, 2003, с. 194). На наш взгляд, такой подход хотя и имеет право на существование, страдает все же определенной механистичностью.

В англоязычной литературе современное понимание мезоуровня экономики значительно более обусловлено последними достижениями институциональной и эволюционной экономической теории. Поэтому гораздо большее внимание уделяется его качественной специфике, что отражено в приведенном выше определении мезоэкономики из англоязычной версии Википедии. Характерным является, например, следующее высказывание, цитируемое в работе М.С. Кругловой (Круглова, 2017): «В целом, эволюционная и институциональная теории, моделирование, кластеры, сетевые структуры и всевозможные групповые объединения могут потребовать своего собственного теоретического пространства — мезо» (Chen, 2008, p. 121). В этом теоретическом пространстве изучаются процессы формирования правила, благодаря которым человеческие взаимодействия в экономике реализуются в экономических результатах². Исследователи могут расходиться в понимании

2. Многие годы уровни анализа собственно человеческого социального действия и результатов человеческого социального действия в экономике и социологии были жестко разделены (Therborn, 1991).

механизмов установления правил — являются ли они следствием творческой потенции отдельных акторов (как полагают неошумпетерианцы) или являются результатом сложных процессов коэволюции экономических систем (как полагают сторонники эволюционно-институциональной теории). Общим является понимание мезоуровня как пространства, где действуют установившиеся воспроизводящиеся правила, без которых долговременное осуществление экономической деятельности невозможно³. Тем самым необходима более глубокая и направленная рефлексия для исследования понимаемого таким образом мезоуровня экономики.

Мы остановимся на некоторых методологических различиях понимания мезоуровня, характерных для представителей экономической ортодоксии (неоклассики) и представителей гетеродоксальной экономики⁴.

Первое отличие связано с подходами к выделению мезоуровня. В неоклассической экономике мейнстрима выделение мезоуровня обычно следует той же логике, которая является общепринятой в отношении макроуровня. Речь идет об использовании логики *микроэкономических оснований*⁵. Многие макроэкономические модели, представляющие различные теоретические точки зрения, получены путем объединения микроэкономических моделей, проверяемых как макроэкономическими, так и микроэкономическими данными. За этой позицией стоит стремление построить универсальную экономическую теорию, опирающуюся на общие (для микро-, макро-, а теперь и мезоуровней) базовые теоретические предпосылки, основу которых составляет принцип

3. Работы А.И. Вольнского и М.С. Кругловой, опубликованные на страницах *Journal of Institutional Studies*, № 3, 2017 в новой рубрике «Институциональная мезоэкономика» и находящиеся в открытом доступе в Интернете, избавляют нас от необходимости более подробно останавливаться в докладе на анализе особенностей отечественного и зарубежного подходов в исследованиях мезоуровня экономики.
4. Более подробно эти вопросы рассмотрены в нашей статье «Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике», также опубликованной в упомянутой выше рубрике в *Journal of Institutional Studies*, № 3, 2017 (Курдина-Чэндлер, Маевский, 2017).
5. Известно неоднозначное отношение ряда экономистов к роли микрооснований. Так, Роберт Скидельский, ссылаясь на работы Дж.М. Кейнса, называет идею микрооснований червем (worm) на пути прогресса в экономической теории (www.primeeconomics.org/articles/macroeconomics-and-microfoundations-3).

методологического индивидуализма⁶. С этой точки зрения экономическая теория не является уникальной. Аналогичные попытки построения универсальной теории предпринимаются, например, в физике – над решением этой проблемы, как известно, трудился в последние годы жизни Альберт Эйнштейн⁷, эти попытки продолжаются и сейчас.

Итак, в случае использования микрооснований в экономической теории стандартным приемом перехода на следующий уровень анализа служит **такое** агрегирование, которое объединяет экономических агентов «в широкие классы, каждый из которых рассматривается как органическое целое – потребители, инвесторы и т.д.» (Баумоль, 2001, с. 81), а «поведение группы фирм или агентов подчиняется тем же законам, что и поведение отдельных единиц» (Хикс, 1993. С. 373). Агрегатам, таким образом, вменяются свойства агрегируемых (объединяемых) агентов. В этом случае можно говорить о принципах аддитивности, лежащих в основании перехода на каждый следующий уровень экономической иерархии (от микро – к мезо и макро), или о построении каждого следующего уровня снизу, с сохранением присущих каждому уровню основных свойств. Поэтому в отношении агрегированных субъектов мезо- и макроуровней сохраняют свое значение микроэкономические принципы равновесия и рациональности⁸. Агрегированный спрос и агрегированное предложение уподобляются, таким образом, двум субъектам, независимо пришедшим из деревень на городской рынок (один – продать, а другой – купить) и совершившим эту сделку, договорившись о взаимоприемлемой цене.

Именно данный подход широко используется в экономическом мейнстриме при анализе мезоуровня, в частности в эволю-

-
6. Обзор того, как этот принцип применяется, был неоднократно представлен в наших работах (Кирдина, 2008; Кирдина, Малков, 2010; Кирдина, 2013).
 7. Известна также критика подобных попыток. О том, что теории макро- и микроуровня часто несовместимы друг с другом, поскольку опираются на различные исходные предпосылки, пишут (Хокинг, Млодинов, 2007, с. 20–21).
 8. Такой основанный на методологическом индивидуализме «подход к экономическим проблемам посредством изучения определенных агрегированных процессов» (Heilbroner, 1970, p. 21), когда «макроэкономическая динамика получается из простого агрегирования индивидуальных действий» (Дози, 2012, с. 52), а макроэкономическое развитие выводят из поведения микроэкономических единиц (Ackley, 1968, p. 570; Camagna, 1981, p. 5–7), продолжает доминировать в сознании современных ортодоксальных макроэкономистов.

ционной теории игр. Например, базирующаяся на микроэкономических основаниях модель «стратегии нулевого детерминанта» в свое время была признана универсальной и наиболее эффективной для экономического поведения индивидуумов (Press, Dyson, 2012; Stewart, Plotkin, 2012). Однако уже через год Адами и Хинтце из Мичиганского университета (США) усовершенствовали аппарат эволюционной теории игр, отразив передачу по наследству определенных стратегий и характер их распространения. Проведенные ими компьютерные симуляции выявили нестабильность якобы универсальной «стратегии нулевого детерминанта» (Adami, Hintze, 2013). Базируясь на их результатах, Сэмюэл Боулз (Институт Санта-Фе, США) заметил, что в таком случае основанные на принципах индивидуальной выгоды стратегии вообще не представляют особого исследовательского интереса, поскольку, если они *эволюционно* неустойчивы, то они — лишь «любопытный, но мало значимый нюанс» (www.nauka21vek.ru/archives/38813) в развитии экономики.

В отличие от рассмотренного выше подхода, гетеродоксы обращают внимание преимущественно на условия устойчивости структур, которые обеспечивают воспроизводство и развитие всей экономической макросистемы через создание механизмов координации в долгосрочной динамике. Устойчивость этих структур обеспечивается действием ряда механизмов — *path dependence* (Brian *et al*, 1987), кумулятивной причинности (Т. Веблен) и др. Поэтому в гетеродоксальной экономике мезоуровень рассматривается **не** как феномен, конструируемый снизу на основе использования правил микроуровня. Он формируется на основе взгляда сверху, со стороны целостной социально-экономической системы и ее свойств, системы, для функционирования которой необходимы определенные структуры взаимоотношений (мезоуровень), поддерживающие ее развитие. С этой точки зрения экономика — это не взаимодействующие агенты, а система правил, по которым они взаимодействуют (Дози, 2012, с. 38). На мезоуровне правила из абстракций превращаются в конституирующие элементы повторяющихся моделей взаимодействия, т.е. институционализируются (Jepperson, 1991).

Другое связанное с этим отличие подхода гетеродоксов к анализу мезоуровня экономики состоит в том, что в качестве

причин формирования мезоэкономических структур рассматриваются не установки и стратегии микроэкономических агентов⁹, а свойства целостной экономики как саморазвивающейся системы. Укорененность экономических институтов и практик в общественной структуре, как и материальные основания экономической деятельности, имеют при этом существенное значение.

Примером гетеродоксального подхода к анализу мезоуровня могут служить, на наш взгляд, известные исследования редистрибутивных и рыночных экономик экономиста-антрополога Карла Поланьи¹⁰. Он показал, что, несмотря на одни и те же свойства экономических агентов, приписываемых им в неоклассической экономике микроуровня (рациональность и ориентация на максимизацию полезности), в экономической сфере складываются различные типы институтов для координации хозяйственной деятельности (*Polanyi, 1977*). Опираясь на историко-антропологические исследования, он также показал, что редистрибутивные и рыночные экономики сосуществуют во времени и пространстве, а не сменяют одна другую в ходе исторического развития. Поэтому мы полагаем, что К. Поланьи также может считаться одним из авторов, исследовавших мезоуровень экономики, хотя обычно о нем не упоминают в этом контексте.

Подытожим: специфика гетеродоксального подхода, исходящего из представления об экономике как сложной самоорганизующейся системе, состоит в следующем: мезоуровень экономики определяется как система устойчивых социально и материально обусловленных структур взаимосвязей и правил совместного функционирования составных частей экономической системы, которые обеспечивают ее воспроизводство и поддерживают устойчивую динамику.

Отражается ли специфика разного понимания мезоуровня ортодоксами и гетеродоксами в разрабатываемых ими математических моделях? В настоящем докладе мы не ставим задачи исследования этого вопроса, адресуя читателя к работе И.Л. Кирилюка

9. Это не значит, что гетеродоксальная экономика отрицает их существование. Но речь идет об ином фокусе рассмотрения, когда множество индивидуальных особенностей нивелируется перед лицом материальных вызовов, обуславливающих само существование социально-экономических систем.

10. Он же ввел термин «redistributive economy».

«Экономико-математические модели для исследования мезоуровня экономики» (Кирилюк, 2017). Она опубликована в уже упомянутом ранее *Journal of Institutional Studies*, № 3, 2017 в рубрике «Институциональная мезоэкономика». Отметим только, что такая специфика имеет место. Хотя Кирилюк и указывает на известный математикам эффект масштабной инвариантности (что делает отнесение моделей к какому-либо уровню экономики достаточно условным), он обсуждает ряд моделей, в которых речь идет о правилах самоорганизации экономических систем, проявляющихся преимущественно на мезоуровне.

ПРИЧИНЫ РОСТА МЕЗОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Почему в последние годы наблюдается возрастание темпов роста исследований мезоуровня экономики, о чем мы сказали в начале настоящего доклада? Обратим внимание лишь на две причины, которые считаем весьма важными.

Первая связана с очевидно возрастающей сложностью экономики: последняя все чаще рассматривается как *сложная система* (Brian *et al.*, 1997; Клейнер, 2004; Brian, 2015). Перечень характерных черт экономики как сложной социальной системы можно найти, например, в работах (Standish, 2006; Mitchell, 2009; Omerod, 2009). Мезоуровень, который является необходимым дополнением микро- и макропредставлений, увязывает деятельность и взаимодействие разного рода субъектов (через динамичную систему правил функционирования, которым они следуют) в живую и развивающуюся цельную систему.

Напомним также, что в свое время *макроуровень* экономического анализа (в рамках мейнстрима) стал объектом пристального внимания после глубокого экономического кризиса конца 1920 – начала 1930-х гг. Он показал, что устойчивой саморегуляции экономики на основе взаимодействия рыночных субъектов (что составляет преимущественный предмет анализа в *микроэкономике*) не происходит. Появившиеся в этот период исследования макроуровня позволяли не только глубже исследовать циклические экономические процессы, но и формировать эффективные реко-

мендации для стимулирования экономического роста¹¹. К настоящему времени необходимость и значимость макроэкономического подхода подтверждена включением макроэкономики в базовые экономические курсы. Ее предмет – это краткосрочный и долгосрочный экономический рост, циклические колебания экономики и стабилизационная политика государства (Мэнкью, 1994).

Тем не менее, продолжавшиеся кризисы демонстрировали, что универсальная государственная политика, опирающаяся лишь на макроэкономическую теорию, также не всегда успешна. Основной недостаток этой теории был в том, что она не может предсказывать кризисы. На другой недостаток обратил внимание Уильям Баумоль (ушедший от нас в мае 2017 г.): макроэкономические модели, по его мнению, внеисторичны и «не содержат ничего такого, что отличало бы рыночные экономические системы от экономик советского типа или от экономики Древнего Рима и средневекового Китая» (Баумоль, 2001, с. 84). Более того, макроэкономические модели не учитывают и различие вариантов капитализма в самих рыночных странах, на что указывают многие исследователи¹². Отмеченная необходимость дополнительного анализа того, что происходит внутри сложной экономики разных стран, стала причиной специального рассмотрения процессов на мезоуровне экономики.

Итак, недостаточные глубина и практичность традиционных экономических микро- и макроподходов, с помощью которых трудно отразить сложность современной экономики и прогнозировать экономические кризисы, привлекли широкое внимание экономистов к мезоуровню экономики.

Если первая причина роста внимания к мезоуровню связана с усложнением объекта экономического анализа, т. е. имеет онтологический характер, то вторая причина имеет гносеологические корни. Речь идет о новых научных подходах, формирующих сегодня

-
11. С 1940-х гг. макроэкономика становится не только предметом исследований, но получает широкое практическое применение. Свидетельством расширения макроэкономического подхода в ходе кейнсианской революции стало, например, создание после Второй мировой войны в США Совета экономических консультантов при президенте, утверждаемого Конгрессом. Его рекомендации обеспечивали «макроэкономическое регулирование, дававшее замечательно точные и прогнозируемые результаты» (Баумоль, 2001, с. 101).
 12. Пионерной работой в этом направлении стала книга «Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage» (Hall, Soskice, 2003).

*эпистему эпохи*¹³, которые признают сложность, неравновесность, иерархичность и нелинейность происходящих процессов. Развитие понимается как процесс эволюции, которая имеет необратимый характер и представляет собой последовательность переходов в иерархии структур и механизмов возрастающей сложности (Николис, Пригожин, 1979). В экономике подобные структуры и механизмы образуют мезоуровень, который в условиях распространения новой эволюционно-синергетической парадигмы (см. (Очерки по экономической синергетике, 2017)) становится объектом специального осмысления и анализа. Как и ранее, экономическая теория в очередной раз абсорбирует общенаучные идеи в свой теоретический каркас¹⁴.

-
13. Понятие введено Мишелем Фуко, который понимал под *эпистемой эпохи* общую, характерную для конкретного исторического периода систему мышления, научного теоретизирования (Фуко, 2002).
 14. Экономические таблицы Кенэ (по специальности – врача), имитировали кровообращение (посредством потока благ). Истоки идеи общего рыночного равновесия лежали в области теории гравитации, которая рассматривала точку равновесия как отсутствие движения (нулевая свободная энергия) – когда все ресурсы задействованы и полезность всех максимальна, движения также нет.

ЧТО ДАЕТ НОВЫЙ ВЗГЛЯД: ГИПОТЕЗА ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИССОНАНСАХ

В данном докладе мы полагаем недостаточным ограничиться лишь обзором исследований мезоуровня экономики. Обзоры имеют смысл не столько как способ инвентаризации достигнутого другими авторами, но прежде всего как исходная позиция для продолжения или обновления собственных исследований. В нашем случае новый взгляд на экономику через призму мезоуровня, обладающего качественной спецификой, позволил дополнить разработки теории институциональных матриц гипотезой об институциональных диссонансах. На ее примере покажем, как новые «мезоэкономические очки» помогают переосмыслить положения уже известных концепций.

Начнем с общих представлений. В современной литературе мы можем найти лишь эпизодические упоминания об институциональных диссонансах. В общем виде под ними понимают некое рассогласование между институтами. Например, речь может идти о несоответствии правовых и экономических институтов в отношении коммерческих организаций (*Brody, 1996*) или проблемной ситуации взаимодействия существующих институтов образования и бизнеса (*Бородай, 2017*).

Особый интерес представляют работы, в которых предпринимаются попытки более точного определения этого понятия. Наиболее обоснованным и развитым, на наш взгляд, является подход к определению институционального диссонанса с позиций

теории институциональной сложности (*institutional complexity*), разрабатываемой преимущественно для исследования поведения организаций. Данный подход представлен в исследованиях Майкла Маускапфа и Эдварда Заджака, которые определяют институциональный диссонанс как постоянный побочный продукт институциональной сложности, означающий несоответствия между элементами двух или более логик или самими логиками¹⁵ (*Mauskapf, Zajac, 2013*). Аналогичное понимание институционального диссонанса как противоречивости институциональных логик, но на уровне индивидуума, дает Мин-Донг Пол Ли, который проблематизирует соответствие экономических институтов капитализма и религиозного института ислама (*Lee, 2012*).

Можно видеть, что в этих (как и в ряде других) исследованиях институциональный диссонанс анализируется с позиций методологического индивидуализма, когда в центре рассмотрения оказывается поведение экономических агентов (под которыми понимаются как отдельные акторы, так и организации). Несовместимость возможных поведенческих паттернов трактуется как институциональный диссонанс¹⁶. Его следствием являются неэффективность (вплоть до распада) организаций или личный неуспех.

Для наших исследований, уже много лет базирующихся на принципе методологического институционализма (*Кирдина, 2013*), такое определение не является подходящим. Поэтому мы разрабатываем собственную трактовку институциональных диссонансов, которая опирается на идеи функциональной дифференциации

-
15. Под институциональными логиками понимаются наборы принципов, предписывающих правила интерпретации организационной реальности и успешного поведения. Такие логики есть средство понимания социального мира и уверенного участия в нем. Как правило, организации сталкиваются со множеством логик, которые могут быть или не быть взаимно совместимыми. Несовместимость логик создает напряжения в организациях (*Greenwood et al., 2011, p. 318*). Данное определение уточняет введенное ранее понятие институциональной логики: логика определяет нормы и ценности, структурирует представления экономических акторов и обеспечивает коллективное понимание того, как формулируются стратегические интересы и решения (*Thornton, 2002; Thornton, Ocasio, 2008*).
16. Например, в упомянутом исследовании Мин-Донга Пола Ли (*Lee, 2012*) речь идет о противоречиях ориентированного на максимизацию полезности поведения экономического субъекта и экономических практик ислама для мусульманина, живущего в капиталистическом обществе. Принятые в рыночной экономике модели поведения часто противоречат деловой этике, принятой в мусульманском мире, и несовместимы с ней, что означает неизбежный для индивидуума институциональный диссонанс.

социальных систем Никласа Лумана (*Luhmann*, 1989, 1993; *Луман*, 2007) в их приложении к теории институциональных матриц (*Курдина*, 2001, 2014). Социологическая теория Лумана предлагает, на наш взгляд, такой подход к анализу социальных систем, который в определенном отношении близок представлениям современных гетеродоксальных экономистов о мезоуровне экономики.

Здесь важно отметить, что в свою теорию социальных систем Луман имплементировал идеи из теории аутопоэзиса Умберто Матураны и Франсиско Варелы (*Maturana, Varela*, 1980). К настоящему времени эта теория, впервые представленная в начале 1970-х гг., стала составной частью синергетики, или теории сложных систем¹⁷. Следуя ее постулатам, Луман определяет общество как аутопоэтическую самореферентную систему, т. е. способную воспроизводить самое себя. При этом он предполагает, что элементы (подсистемы) социальной системы, коммуницируя друг с другом в режиме согласованных ожиданий, дифференцированы по функциям, которые они выполняют внутри системы. Структура самовоспроизводящейся системы предполагает также ограничение допустимых внутри системы ожиданий, поскольку только ограничивающее структурирование делает возможным воспроизводство. Без этих ограничений общество является неуправляемым, непредсказуемым и во многом беспомощным перед лицом экологических и иных угроз (*Valentinov, Chatalova*, 2014). С точки зрения теории Лумана, если какая-либо из подсистем в системе не выполняет присущих ей функций или выполняет их недостаточно, трудности испытывает вся социальная система.

В современной социологической литературе функциональная дифференциация рассматривается в качестве доминантной формы социальной дифференциации (см., напр. *Beck et al.*, 2003; *Bergthaller, Schinko*, 2011; *Kjaer*, 2010; *Luhmann*, 1977; 2013; *Roth*,

17. Аутопоэзис означает, что сложноорганизованные живые системы самовоспроизводятся путем повторения, самопостроения самих себя. В этом процессе невозможно разделить *производителя* и *продукт*. Аутопоэзные системы можно представить как единство сетей, через которые системы производят свои компоненты. Через интеракции внутри системы они генерируют и воспроизводят эти сети, а также в пространстве своего существования конституируют границы этих сетей (*Шмерлина*, 2003, с. 169). Для социальных систем такие сети представлены институтами, что и делает базирующуюся на идеях аутопоэзиса теорию Лумана адекватной задачам исследования мезоуровня в экономике.

2017; *Valentinov*, 2015)). Однако в работах институциональных экономистов (не говоря уже об экономистах, строго приверженных экономическому мейнстриму), функциональная дифференциация по-прежнему не получила широкого распространения. В своих исследованиях мы пытаемся восполнить этот пробел, поскольку разрабатываемая нами уже много лет теория институциональных матриц (ТИМ) дает для этого достаточные основания.

Напомним, что общество в ТИМ моделируется как социальная система в единстве трех основных подсистем — экономической, политической и идеологической. Различие подсистем обосновывается прежде всего различием функций, которые они выполняют в общественном воспроизводстве (выполнение этих функций обеспечивается соответствующими наборами институтов), и каждая из этих функций необходима для существования и развития социальной системы как целого. Можно видеть, что в основе изложенных представлений лежит та же идея функциональной дифференциации сложных социальных систем, которой руководствовался Никлас Луман.

Также в ТИМ была попытка реализовать и другую его идею — о необходимых правилах взаимодействии элементов социальной системы (Луман видел его основу в согласованных ожиданиях). В нашем случае это нашло отражение в высказанной ранее гипотезе о *комплементарности* институтов (*Кирдина*, 2001, 2014). Комплементарность в теории институциональных матриц означает содействие институтов альтернативных матриц, т.е. X- и Y-институтов, направленных на выполнение определенной функции, в институциональной структуре государств. Многочисленные примеры таких взаимодействий и их роль неоднократно обсуждались на страницах наших работ¹⁸. Комплементарность предполагает, что совместное осуществление доминантного и комплементарного институтов имеет согласованный характер. Например, речь может идти о сосуществовании институтов конкуренции (относящихся к

18. К сожалению, наши читатели, как в России, так и за рубежом, не всегда внимательны к данному утверждению, составляющему одну из основ ТИМ. Об этом свидетельствует, например, недавняя дискуссия на страницах журнала *Journal of Economic Issues*: см. статью Грегори Хайдена «An Evaluation of Institutional Matrices Theory Which Was Designed to Illustrate Differences Between Russian and Western Political Economies» (*Hayden*, 2017) и ответную статью «Institutional Matrices Theory, or X-and Y-theory: A Response to F. Gregory Hayden» (*Kirdina-Chandler*, 2017).

Y-матрице) и кооперации (X-матрицы), которые совместно реализуют функцию организации взаимодействия экономических агентов. Или известна пара комплементарных институтов, которые обеспечивают механизмы обратной связи в экономике через передачу информации об эффективности экономической деятельности — это институты максимизации прибыли (Y-матрица) или снижения издержек (X-матрица). При этом, как было отмечено, лидирующая роль институтов доминантной матрицы исторически сохранялась. Предполагалось, что взаимодействие доминантных и комплементарных институтов обеспечивает эффективное функционирование общественных подсистем и поддерживает необходимый в обществе *институциональный баланс* (Кирдина, 2014, с. 370).

Однако такое представление, как можно теперь видеть, носило излишне нормативный характер, что противоречило изначальному введению ТИМ как позитивной теории, представляющей совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть. Наблюдения демонстрируют постоянные дисбалансы в институциональной среде, что негативно сказывается на развитии экономики любого государства. В логике Лумана это означает, что имеет место постоянное отклонение того или иного «поведения» социальных подсистем, как и образующих их институтов, от режима «согласованных ожиданий».

Эти постоянные отклонения мы связываем с дуальной природой институтов. Она, как известно, состоит в следующем.

С одной стороны, институты представляют собой «транс-субъектные и трансобъектные универсалии» (Ананьин, 2005, с. 103), которые образуют рамки человеческого поведения. Эти рамки формируются в результате постоянной исторической практики и закрепляют целесообразные, с точки зрения интересов целого, правила взаимодействия общественных элементов. Через институты общество воспроизводит самое себя, образуя, в терминах Лумана, аутопоэтическую самореферентную систему.

С другой стороны, институты создаются в результате человеческой деятельности, являются рукотворными. Соответственно, как результат любой человеческой деятельности они определяются не только экономическими закономерностями, внешними факторами и другими объективными обстоятельствами, но несут на себе

все издержки субъектности. Институты в определенные периоды могут быть непродуманны, они могут быть навязаны обществу теми или иными группами, обладающими ресурсами давления, и т.п. Отмеченная субъектная сторона институтов означает возможность возникновения *институциональных диссонансов*. Новое для теории институциональных матриц понятие институционального диссонанса отражает нарушение режима согласованных ожиданий в режиме коммуникации (взаимодействия) элементов социальных систем.

Понятие институционального диссонанса позволяет перейти от статического представления о структуре институтов (за что ТИМ неоднократно подвергалась справедливой критике) к их динамическому пониманию, поскольку понятие диссонанса возникает лишь в результате действия института и его сцепления в ходе своей реализации с другими институтами.

Что такое вообще диссонанс? Диссонанс (от лат. *dissono* – нестройно звучу) – это нарушение гармонии, одновременное напряженное звучание двух несозвучных тонов. При диссонансе возникают такие звуковые волновые колебания, при которых волны то совпадают и усиливают звук, то противодействуют друг другу (когда сгущение одной звуковой волны накладывается на разрежение другой) и ослабляют звук. Поэтому звук становится прерывистым, гармония теряется. Суть понятия диссонанса, пришедшего к нам из музыки (и объясненного физикой), сохраняется и в определении институционального диссонанса.

Под институциональным диссонансом, наблюдаемом на мезоуровне экономики, понимается такое следствие совместной реализации двух комплементарных институтов (каждый из которых сам по себе достаточно функционален)¹⁹, которое в силу тех или

19. Это положение, подчеркивающее эффект взаимодействия двух (или более) «нормальных» институтов, отличает понятие институциональных диссонансов от ряда иных текстуально близких ему понятий, где речь по сути идет о «неправильных» институтах. Так, «институциональная ловушка» (Полтерович, 1999) означает неэффективность института, возникающую при попытках трансплантировать институт из иной социальной системы; «*block-in-эффекты*», или эффекты блокировки (Horth, 1990), означают закрепленность неэффективного института в институциональной среде того или иного государства; *misuse of institutions* (Polishchuk, 2008, 2010) означает применение институтов не в соответствии с теми функциями, для которых они предназначены; наконец, дисфункция институтов означает нарушение нормативного взаимодействия институтов с социальной средой, что приводит к негативным последствиям действия таких институтов (Экономико-социологический словарь, 2017, с. 565).

инных причин приводит к нарушению функциональности данных институтов в социальной системе. Результатом институциональных диссонансов являются проблемы функционирования всей социальной системы. Более того, вместо выполнения исходной функции любого института (системы институтов) по снижению транзакционных издержек совместной деятельности институциональные диссонансы приводят к увеличению издержек за счет возникающих косвенных эффектов. Эти косвенные эффекты являются следствием такого наложения институтов и вызванных (и поддерживаемых ими) социальных практик, при котором прямые выгоды от внедрения института перекрываются ростом дополнительных затрат, которые возникают в социальной системе. Чрезмерное накопление таких затрат может приводить к неэффективности или кризисам.

Проиллюстрируем данную гипотезу несколькими примерами. Для начала обратимся к хорошо известному нам явлению, вызванному реформой организации науки в современной России. Речь идет об использовании различных источников финансирования научных исследований, проводимых отдельным ученым. Была декларирована благая цель совместить базовое (по линии научных организаций) и дополнительное (получаемое по линии научных грантов) финансирование. В терминах теории институциональных матриц речь шла о том, чтобы обеспечить одновременное действие двух групп комплементарных институтов: институтов служебного (бессрочного) труда и кооперации, присущих X-экономикам, и институтов наемного (контрактного) труда и конкуренции, свойственного Y-экономикам.

Однако в сфере фундаментальных научных исследований вместо комплементарности двух институтов возник эффект институционального диссонанса. Он вызван тем, что научная деятельность является холистическим по сути процессом, для которого принципы проектного финансирования могут быть использованы лишь в определенных случаях. В результате возникла и постоянно воспроизводится ситуация, когда исследователи вынуждены порой искусственно разделять публикации и другие работы, выполняемые в рамках государственного задания и в рамках грантового финансирования. Причем для особо продуктивных ученых, выигрывающих грантовое финансирование, эта деятельность является бóльшей помехой, чем

для тех, кто не имеет научных грантов. Другими словами, наряду с функцией поддержки перспективных направлений (и занятых ими ученых) возникают существенные косвенные затраты, мешающие их эффективной научной деятельности. Социальным эффектом является рост напряженности, не способствующий достижению высоких результатов, переориентация на формальные, а не содержательные стороны научной деятельности. Тем самым возникает противоречие между целями науки и складывающейся практикой ее организации. Несмотря на то, что эта ситуация уже много лет активно обсуждается в научной среде и стала предметом рассмотрения на общем собрании РАН при выборах ее президента в 2017 г., она до сих пор не имеет инструментальных перспектив разрешения.

Аналогичные ситуации возникают и в других случаях, когда X- и Y-институты, поддерживающие необходимую функциональность в социальной системе, обеспечиваются такими практиками и процедурами, которые не учитывают возможности появления институциональных диссонансов. Например, явление институционального диссонанса в российской экономике можно наблюдать при действии институтов, общей функцией которых является закрепление благ между экономическими субъектами и агентами, т.е. обеспечение прав собственности. В ходе экономических реформ в России одной из целей было развитие отношений собственности с целью их большего соответствия сложности экономической системы. Однако в результате часто имеет место такое сочетание верховной условной собственности (X-институт) и частной собственности (Y-институт), в результате которых происходит не заполнение провалов рынка или провалов государства (Рубинштейн, 2016; Рубинштейн, Городецкий, 2017) с целью оптимизации основной функции данного набора институтов, а ее разрушение. Следствием возникающего в ходе реализации новых норм и правил институционального диссонанса является не укрепление, а размывание прав собственности, усиление оппортунистического поведения и другие негативные эффекты.

Яркий пример институционального диссонанса можно найти в работе уже упомянутого ранее Карла Полањи, которого мы относим к экономистам, исследовавшим мезоуровень экономики. В своей работе «Великая трансформация» он показал, как совмест-

ное действие двух институтов, каждый из которых был направлен на обеспечение глобальной финансовой стабилизации (*haute finance* и «золотой стандарт»), в конечном итоге привело к глубокому экономическому кризису (Polanyi, 1944/1957)²⁰.

Приведенные примеры показывают, что в результате институционального диссонанса возникают непредвиденные (на стадии институционального дизайна) разрушительные эффекты, нарушается ожидаемый ход взаимодействия участников экономических процессов. Взгляд на взаимодействие институтов с точки зрения возможных институциональных диссонансов позволил бы — при дальнейшей разработке данного понятия — предвидеть или диагностировать их появление, а сам результат институционального дизайна сделать более прогнозируемым.

20. Недавно эта же логика Поланьи была блестяще использована при анализе причин современного кризиса еврозоны (Seccareccia, Correa, 2017). Авторы (один из Канады, другая — из Мексики) связывают его с действующей в Евросоюзе «монетарной архитектурой» и фактическим отстранением национальных государств от финансового регулирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выделение мезоуровня как специального предмета экономического анализа — до сих пор дискутируемая проблема. Хотя уже сложился корпус работ, посвященных исследованиям мезоуровня, их доля в общем объеме публикаций, посвященных исследованиям микро-, мезо- и макроуровня, составляет менее 1%. Однако опережающие темпы роста публикаций по этому направлению показывают, что изучение мезоуровня привлекает все больше исследователей. Наибольшее распространение мезоэкономические исследования получили среди представителей институциональной и эволюционной экономики. Как отметил Гареев, “современный этап характеризуется большей готовностью гетеродоксальных направлений концентрироваться на мезоуровнях анализа” (Гареев, 2010, с. 55).

Выделение мезоуровня экономического анализа является следствием как усложнения самой экономики, так и усложнением предмета экономической науки. Если до 1930-х гг. основным объектом рассмотрения в экономическом мейнстриме был преимущественно микроуровень, то позже стала развиваться макроэкономика. В результате последовавшего за тем известного неоклассического синтеза микро- и макроэкономика стали составными частями неоклассики. С 1980-х стало формироваться новое научное направление — «мезоэкономика». При этом в рамках мейнстрима выделение мезоуровня следует принятой в неоклассике логике и опирается на те же микрооснования, которые образуют ее методологический каркас. Можно предполагать, что в дальнейшем такого рода мезоэкономика также станет органической частью экономической ортодоксии.

Подход гетеродоксальных экономистов к выделению мезоуровня экономики и мезоэкономическому анализу, в отличие от представителей мейнстрима, имеет свою специфику. Он базируется на представлении об экономике как сложной самоорганизующейся системе. Здесь мезоуровень экономики определяется как система устойчивых социально и материально обусловленных структур взаимосвязей и правил совместного функционирования составных частей экономической системы, которые обеспечивают ее воспроизводство и динамику развития в долгосрочной перспективе. Поэтому исследования мезоуровня позволяют увидеть те особенности структурного устройства экономики и механизмов ее развития, которые не улавливаются в микро- и макроэкономике.

Так, новый взгляд на экономику с позиций мезоуровня позволяет обратиться к исследованию такого понятия, как «институциональный диссонанс». Понятие институционального диссонанса отражает осознание *институциональной сложности* современных социальных и экономических систем. Его определение различается у представителей экономического мейнстрима, опирающихся на принцип методологического индивидуализма, и тех, кто развивает гетеродоксальное направление экономики, опирающееся на принцип методологического институционализма. На основе положений теории социальных систем Н. Лумана и теории институциональных матриц (X-Y-теории) предложено следующее определение: институциональный диссонанс означает такой результат взаимодействия двух (или более) комплементарных институтов, при котором происходит нарушение функциональности данных институтов в социальной системе, что приводит к проблемам функционирования всей системы в целом и ослаблению ее свойств как аутопоэтической самореферентной системы. Задача дальнейшего изучения институциональных диссонансов состоит в построении методик их измерения, а также в выявлении и измерении вызываемых ими эффектов. Тем самым предполагается внести теоретический и методический вклад в изучение феномена мезоуровня экономики, что составляет содержание темы государственного задания «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение» на 2017–2019 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьин О.И. (2005). Структура экономико-теоретического знания. М: Наука.
- Баумоль У. (2001). Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. № 2. С. 73–107.
- Бородай В. (2017). Институциональный диссонанс как фактор низкой эффективности образовательных инвестиций. В: International conference on recent trends in marketing, accounting, business, economics and tourism Conference Proceedings. Изд-во Smashwords, Inc. С. 167–172.
- Волынский А.И. (2017). Мезоуровень как объект исследования в экономической литературе современной России // Journal of Institutional Studies. Т. 9. № 3. С. 36–49.
- Гареев Т.Р. (2010). Институты и экономическое развитие на субрегиональном (мезо-) уровне // Общественные науки и современность. № 5. С. 45–58.
- Дози Дж. (2012). Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы // Вопросы экономики. № 12. С. 31–60.
- Допфер К. (2008). Истоки мезоэкономики // «Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие». Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14–15 сентября 2007, г. Пущино, Московская обл. / Под ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной. М.: ИЭ РАН.
- Евстигнеев Р.Н., Евстигнеева Л.П. (2007). Экономическая синергетика (Сборник). М.: ИЭ РАН.
- Кирдина С. Г. (2001). Институциональные матрицы и развитие России (2-е изд.). Новосибирск: ИЭиОПП РАН.

- Кирдина С. Г. (2014). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. М., С.-Пб.: Нестор-История.
- Кирдина С.Г. (2008). Институциональная самоорганизация экономики: теория и моделирование. Научный доклад. М.: ИЭ РАН.
- Кирдина С.Г. (2015). Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // СОЦИС, № 12, 2015. С. 51–59.
- Кирдина С.Г. (2013). Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. № 10. С. 66–89.
- Кирдина С.Г., Малков С.Ю. (2010). Два механизма самоорганизации экономики: модельная и эмпирическая верификация. Научный доклад. М.: ИЭ РАН.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., Маевский В.И. (2017). Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // Journal of Institutional Studies. Т. 9. № 3. С. 7–23.
- Кириллюк И.А. (2017). Экономико-математические модели для исследования мезоуровня экономики // Journal of institutional studies, 2017, V. 9. № 3. Р. 50–63.
- Клейнер Г.Б. (2004). Эволюция институциональных систем. М.: Наука.
- Круглова М.С. (2017). Мезоэкономическая теория в англоязычной научной литературе // Journal of Institutional Studies. Т. 9. № 3. С. 24–35.
- Лопатников Л.И. (2003). Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М.: Дело.
- Луман Н. (2007). Введение в системную теорию / Пер. с нем. М.: Логос.
- Мэнкью Н.Г. (1994). Макроэкономика. Пер. с англ. М.: Изд-во МГУ.
- Николис П., Пригожин И. (1979). Самоорганизация в неравновесных системах. М.: Мир.
- Очерки по экономической синергетике. (2017). Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер, М.А. Дерябиной. М.: ИЭ РАН.
- Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. Т. 35. Вып. 2. С. 3–20.
- Рубинштейн А.Я. (2016). Введение в общую теорию изъятий смешанной экономики // Пространственная экономика. № 4. С. 13–32.
- Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. (2017). Некоторые аспекты экономической теории государства. М.: ИЭ РАН.
- Фуко М. (2002). Власть и знание // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис.
- Хикс Дж.Р. (1993). Стоимость и капитал. М.: Издательская группа «Прогресс».

- Хокинг С., Млодинов Л. (2007). Кратчайшая история времени / Пер. с англ. СПб.: Амфора.
- Шмерлина И.А. (2003). Обзор монографии: Матурана У., Варела Ф. Древо познания. Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001 // Социологический журнал. № 2. С. 168–179.
- Экономико-социологический словарь. (2013). Сост. Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк. Науч. ред. Г.Н. Соколова. Минск: Беларуская навука.
- Ackley G.* (1968). *Macroeconomic Theory*. New York: The Macmillan Co.
- Adami C., Hintze A.* (2013). Evolutionary Instability of Zero Determinant Strategies Demonstrates That Winning Isn't Everything // *Nature Communications*. № 4. P. 2193. August. arxiv.org/abs/1208.2666.
- Beck U., Bonss W., Lau C.* (2003). *The Theory of Reflexive Modernization* // *Theory, Culture & Society*. Vol. 20. № 2. P. 1–33.
- Berghaller H., Schinko C.* (2011). Introduction: From National Cultures to the Semantics of Modern Society' in *Berghaller H. and Schinko C., eds., Addressing Modernity. Social Systems Theory and U.S. Cultures.* Amsterdam and New York: Edition Rodopi. P. 5–34.
- Brian A.W.* (2015). *Complexity and the Economy*. Oxford: Oxford Economic Press.
- Brian A., Durlauf S., Lane D.A.* (1997). *The Economy as an Evolving Complex System II*. Reading, Mass.: Addison-Wesley.
- Brody E.* (1996). Institutional Dissonance in the Nonprofit Sector // *Villanova Law Review*. Vol. 41. Issue 2. Art. 2. P. 433–504.
- Campagna A.* (1981). *Macroeconomics*. N. Y.: St. Martin's Press Inc.
- Chen P.* (2008). Equilibrium illusion economic complexity and evolutionary foundation in economic analysis. // *Evolutionary and Institutional Economics Review*. Vol. 5. No. 1. P. 81–127.
- Greenwood R., Raynard M., Kodeih F., Micelotta E.R., Lounsbury M.* (2011). Institutional Complexity and Organizational Responses. // *The Academy of Management Annals*. Vol. 5. No. 1. P. 317–371.
- Hall P.A., Soskice D.* (2003). Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford Scholarship Online.
- Hayden F.G.* An Evaluation of Institutional Matrices Theory Which Was Designed to Illustrate Differences Between Russian and Western Political Economies // *Journal of Economic Issues*. Vol. 51. No. 2. P. 467–475.
- Heilbroner R.* (1970). *Understanding Macroeconomics*. 3rd ed. New Jersey: Englewood Cliffs.

- Jepperson R.L.* (1991). Institutions, Institutional Effects, and Institutionalism // Powell W.W., DiMaggio P.J. (eds). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press. P. 143–163.
- Kirdina-Chandler S.* (2017). Institutional Matrices Theory, or X-and Y-theory: A Response to F. Gregory Hayden // *Journal of Economic Issues*. Vol. 51. No. 2. P. 476–485.
- Kjaer P.F.* (2010). The Metamorphosis of the Functional Synthesis: A Continental European Perspective on Governance, Law, and the Political in the Transnational Space // *Wisconsin Law Review*. Vol. 2. P. 489–533.
- Lee M.-D.P.* (2012). Institutional Dissonance and Bridging: A New Perspective on the Relationship between Religion and Development. www.slideserve.com/nalani/institutional-dissonance-and-bridging-a-new-perspective-on-the-relationship-between-religion-and-development (13.09.2017).
- Leydesdorff L.* (2002). The communication turn in the theory of social systems // *Systems Research and Behavioral Science*. Vol. 19. No. 2. P. 129–136.
- Loasby B.J.* (2001). Cognition, Imagination and Institutions in Demand Creation // *Journal of Evolutionary Economics*. No. 11. P. 7–21.
- Luhmann N.* (1977). Differentiation of Society // *The Canadian Journal of Sociology / Cahiers canadiens de sociologie*. Vol. 2. No. 1. P. 29–53.
- Luhmann N.* (1989). *Ecological Communication*, Chicago: The University of Chicago Press.
- Luhmann N.* (1993). *Ecological Communication: Coping with the Unknown*. // *Systems Practice*. Vol. 6. No. 5. P. 527–539.
- Maturana H., Varela F.* (1984). *Autopoiesis and Cognition*. Boston, MA: D. Reidel.
- Mauskapf M., Zajac E.* (2013). The Emergence and Persistence of Institutional Dissonance at the New York Philharmonic, 1842–1928 // *Academy of Management Proceedings*. January. Vol. 1. November. P. 12015.
- Mitchell M.* (2009). *Complexity: A Guided Tour*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- North D.* (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. New York: Cambridge University Press.
- Omerod P.* (2009). Keynes, Hayek and Complexity. In: Faggini, Marissa and Thomas Lux (editors): *Coping with the Complexity of Economics*. P. 19–32. Milan et al.: Springer.
- Polanyi K.* (1944/1957). *The Great Transformation*. Boston, MA: Beacon Press.
- Polishchuk L.* (2008). Misuse of Institutions: Patterns and Causes // *The Journal of Comparative economic Studies*. Vol. 4. P. 57–80.

- Polishchuk L.* (2010). Misuse of Institutions. Lessons from Transition. Working Paper No. 2010/75. Moscow: UNU-WIDER.
- Press W. & Dyson F.J.* (2012). Iterated Prisoners' Dilemma Contains Strategies That Dominate Any Evolutionary Opponent. // Proceedings of the National Academy of Sciences of the U.S.A. No. 109. P. 10409–10413.
- Roth S.* (2017). From Added Values to Augmented Realities. Introducing the Special Issue of Management and Functional Differentiation // Systems Research and Behavioral Science. Vol. 34. No. 2. P. 120–129.
- Seccareccia M., Correa E.* (2017). Supra-National Money and the Euro Crisis: Lessons from Karl Polanyi // Forum for Social Economics. Vol. XLVI. No. 3. August. P. 252–274.
- Standish R.K.* (2006). Theory of Nothing. Charleston, SC, USA: Booksurge.
- Stewart A.J. & Plotkin J.B.* (2012). Extortion and Cooperation in the Prisoner's Dilemma // Proceedings of the National Academy of Sciences of the U.S.A. No. 109. P. 10134–10135.
- Therborn G.* (1991). Cultural Belonging, Structural Location, and Human Action. Explanation in Sociology and in Social Science // Acta Sociologica: Journal of the Scandinavian Sociological Association. 1991. Vol. 34. No. 3. P. 177–192.
- Thornton P.H.* (2002). The Rise of the Corporation in a Craft Industry: Conflict and Conformity in Institutional Logics // Academy of Management Journal. No. 45. P. 81–101.
- Thornton P.H., Ocasio W.* (2008). "Institutional Logics," in Royston Greenwood, Christine Oliver, Kerstin Sahlin and Roy Suddaby (eds.) Handbook of Organizational Institutionalism. CA: Sage.
- Valentinov V.* (2015) From Equilibrium to Autopoiesis: A Luhmannian Reading of Veblenian Evolutionary Economics. // Economic Systems. Vol. 39. No. 1. P. 143–155.
- Valentinov V., Chatalova L.* (2016). Institutional Economics and Social Dilemmas: A Systems Theory Perspective // Systems Research and Behavioral Science. Vol. 33. No. 1. P. 138–149.

Светлана Георгиевна
КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР

Начало исследовательской деятельности связано с Новосибирской экономико-социологической школой академика РАН Т.И. Заславской (г. Новосибирск, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН). С 2002 г. работает в Институте экономики РАН (г. Москва), занимает должность зав. сектором эволюции социально-экономических систем. Кандидат экономических наук (1986), доктор социологических наук (2002).

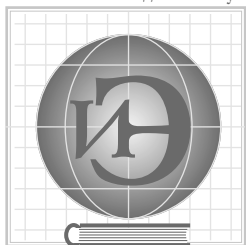
Лауреат премии им. Кларенса Эйрса 2004 г., учрежденной Association for Evolutionary Economic, US для зарубежных ученых.

Сфера научных интересов – институционально-эволюционная теория; сравнительный анализ социально-экономических систем; теория институциональных матриц (X-Y-теория); методологические проблемы общественных наук.

Результаты исследований опубликованы более чем в 200 работах на русском и английском языках. Основные монографии: Институциональные матрицы и развитие России (три издания: Москва: ТЕИС, 2000; 2-е изд. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001; 3-е изд. Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014); X- и Y- экономики: институциональный анализ (М.: Наука, 2004).

Сайт www.kirdina.ru www.кирдина.рф email kirdina@bk.ru

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

С.Г. Кирдина-Чэндлер

Мезоуровень: новый взгляд на экономику?

Оригинал-макет – *Валериус В.Е.*

Редактор – *Полякова А.В.*

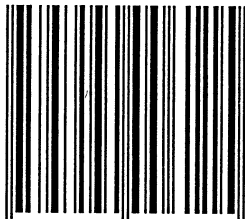
Компьютерная верстка – *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 11.12.2017 г.

Заказ № 46. Тираж 300. Объем 1,6 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0611-5

9 785994 006115